

Кризисъ исторіи

Девятнадцатый вѣкъ былъ вѣкомъ Исторіи какъ особой области вѣдѣнія. Впервые, за все время существованія человѣчества, исторія заняла, въ Европѣ, свое особое и весьма почетное мѣсто въ ряду наукъ, почитающихся обязательными для общаго образованія; работа надъ изученіемъ прошлаго была исключительно напряженной и необыкновенно плодотворной; наряду съ подробнѣйшимъ и точнѣйшимъ изслѣдованіемъ уцѣлѣвшихъ свидѣтельствъ о прошломъ, открытіемъ множества новыхъ, историки отваживались на воссозданіе всего вѣкового процесса жизни отдѣльныхъ народовъ, культурныхъ круговъ, человѣчества; каждый образованный человѣкъ старался мыслить исторически и имена великихъ историковъ, Маколея и Гизо, Мишле, Буркхардта, Тэна, Момзена, Ранке, были извѣстны каждому. Геній эпохи словно воплощался въ носителяхъ этихъ именъ. Сейчасъ дѣло обстоитъ уже далеко не такъ. Попробуйте, говорить замѣчательный испанскій мыслитель, Eugenio d'Ors*), предложить любому образованному человѣку, не спеціалисту, назвать имена значительнѣйшихъ современныхъ историковъ, — онъ не назоветъ ни одного. Продолжимъ экспериментъ и предложимъ ему назвать величайшихъ современныхъ композиторовъ: результатъ получится тотъ-же. Исторія — «наука времени» — раздѣлила судьбу музыки — «искусства времени». Онъ вмѣстѣ расцвѣтилъ и вмѣстѣ увяли, считаетъ d'Ors. Сознаніе направлено сейчасъ не на спановленіе, но на бытіе, не на возникающее и преходящее, но на вѣчное, сущее.

Это и вѣрно и невѣрно. Время въ музыкѣ не одно и то же, что время въ исторіи. Въ 2-хъ-3-хъ тонахъ перваго такта какой-нибудь фуги Баха дана уже вся эта фуга, — какъ въ пеленыхъ аксіомахъ евклидовой геометріи дана вся система ея теор-

*) Въ одной изъ ряда статей въ *Revue des Questions historiques*, 1934, посвященныхъ проблемѣ Кризиса Исторіи

рель. Эти теоремы расположены въ опредѣленномъ, необратимомъ порядкѣ, какъ и такты въ фугѣ, а также — и строчки и строфы въ стихотвореніи. Чтобы вывести изъ аксіомъ Эвклида его геометрію, разыграть сонату или фугу, прочесть стихи, требуется время. Разница между геометріей и поэзіей та, что въ музыкѣ и въ поэзіи есть счетъ времени, чередованіе «сильныхъ» и «слабыхъ» времени, — чего нѣтъ въ геометріи. Но это время музыки и поэзіи — отвлеченное, виѣжизненное, нереальное время. Мы замѣчаемъ ускоренія и замедленія, но какъ долго длится пѣсня, или соната, или элегія, — кому придется въ голову задаться этимъ вопросомъ? Такъ же — какъ и вопросомъ: какъ долго длится пифагорова теорема?

Въ чемъ тутъ дѣло? Возьмемъ для уясненія примѣръ такого музыкальнаго произведенія, жизнь котораго всего ближе подходить къ дѣйствительной, исторической: фуги. Общая жизнь, семейство, народова, слагается изъ множества «сцѣпленій», какъ выражался Толстой, сцѣпленій отдѣльных, индивидуальныхъ жизней. Этому соотвѣтствуютъ сцѣпленія отдѣльныхъ голосовъ фуги. Но эти послѣднія сцѣпленія происходятъ съ какой-то необъяснимой, но безспорной необходимостью. Не будь ея, не было бы фуги, былъ бы хаосъ звуковъ, какофонія. Въ жизни не такъ. Кн. Андрей могъ бытъ убитъ полкъ Аустерлицомъ — и сначала Толстой такъ и хотѣлъ написать: «Война и Миръ» была бы другимъ романомъ, но все-таки романомъ, изображеніемъ подлинной жизни. «Сцѣпленія» въ жизни случайны, въ музыкѣ — необходимы. Второй голосъ долженъ слѣдовать за первымъ на строго опредѣленномъ разстояніи, — иначе все пропадетъ. Есть историки, которые силятся доказать, что и въ жизни ничто не случайно. Наполеонъ появился какъ разъ тогда, когда пришла пора ему явиться. Толстой выпутывается изъ затрудненія иначе: самъ по себѣ Наполеонъ — форменное ничтожество и не болѣе какъ орудіе, пушенное въ холъ «Хозяиномъ» вселенной. Но всякій чувствуетъ натяжку и фальшь этихъ соображеній, въ сущности просто — уловокъ.

Безчисленныя отдѣльныя жизни настолько самостоятельны въ своемъ развитіи, ихъ сцѣпленія между собою, изъ которыхъ слагается исторія, настолько случайны, что историкъ то и дѣло рискуетъ упустить эти сцѣпленія изъ виду. Строжайшій, внимательнѣйшій расчетъ времени, учетъ совпаденій событій, его главная обязанность. Иначе вмѣсто настоящей исторіи, исторія, предлагающей событія какъ они происходили на самомъ дѣлѣ (требованіе Ранке), восстанавливающей конкретный историческій процессъ, полчится безплотная, тощая, схематическая

«философія історіи», гдѣ богатый, глубокой смыслъ самой жизни поддѣignent смысломъ, примышленнымъ историкомъ.

Если такъ, науку історіи лучше сблизить съ еще однимъ «искусствомъ времени», реалистическимъ романомъ. Можно было бы показать, что и хронологически развитіе історіи и развитіе романа совпадаютъ ближе, чѣмъ історіи и музыки. Въ сущности, романъ и історія — одно и то же: фиктивная жизнь, изображаемая въ романѣ, воспринимается вѣдь какъ дѣйствительная. Історія романа извѣстна намъ несравненно основательнѣе, чѣмъ історія історіи, ибо романы имѣли и имѣютъ большій кругъ читателей и больше привлекали вниманіе критики, выражающей и направляющей ихъ вкусы и требованія. Кризисъ романа теперь модная тема. Поэтому, уяснивъ себѣ его, уяснимъ и сущность кризиса історіи.

Продѣлаемъ мысленно съ читателемъ романовъ экспериментъ, предложенный d'Orgs'омъ, нѣсколько лишь видоизмѣнивъ его. Какіе романисты были самыми любимыми и самыми популярными въ старину? Это всѣмъ извѣстно: въ XVIII в. Фильдингъ, Смолеттъ, Ричардсонъ, Руссо, Гете съ его Вертеромъ; въ нач. XIX в. Бальзакъ и Жоржъ-Зандъ (Стендаль писалъ «для немногихъ счастливицевъ», какъ онъ выражался), Дикенсъ и Текерей, за гѣмъ Толстой, Зола, Достоевскій... было бы долго и излишне перечислять всѣхъ. Говоря вообще, наиболѣе извѣстными и цѣнимыми были какъ разъ величайшіе романисты. Наряду съ ними, правда, читались и не менѣе усердно — и Эженъ Сю, и Шпильгагенъ и Чернышевскій съ его «Что дѣлать», и имъ подобные. Весьма важно отмѣтить, что кругъ читателей великихъ и невеликихъ романистовъ былъ одинъ и тотъ-же.

Сейчасъ дѣло обстоитъ не такъ. Сейчасъ на вопросъ о томъ, кто является значительнѣйшимъ современнымъ романистомъ, изъ десятка читателей съ одинаковымъ образовательнымъ цензомъ одинъ или двое назовутъ Моріака, Буннина, остальные — Эдгара Уоллеса. При этомъ окажется, что одни никогда не читали Уоллеса («немногіе счастливы»), другіе — не слышали и имени Моріака. Раньше была одна повѣствовательная литература, включавшая большихъ, среднихъ и малыхъ писателей. Теперь ихъ двѣ. Какъ и почему произошло это разслоеніе литературы, въ которомъ и состоитъ одна изъ сторонъ кризиса романа?

Кто знакомъ съ исторіей литературы какъ одной изъ формъ соціальной жизни, общенія читателя съ писателемъ, готъ знать, что всегда было два слоя читателей, что они по одному,

другіе по другому читали и понимали Фильдингa, Бальзака, Толстого, Тургенева. Извѣстна исторія одной лэди, заподозрѣвшей, что Ричардсонъ, романъ котораго (не помню, который) печатался по частямъ, намѣренъ уморить геронню, и забрасывавшей его письмами: онъ обязанъ взять голосу челоуѣколюбія и справедливости; его героння должна остаться въ живыхъ и добить-ся заслуженнаго ею семейнаго счастья. Извѣстно, что издатель Дикенса ставилъ ему условіемъ, чтобы его романы кончались неизмѣнно благополучно. Извѣстно, что подавляющее большинство читателей пропускаетъ въ гѣманахъ длинныя діалоги и описанія солнечныхъ восходовъ и закатовъ и, ознакомясь съ завязкой, заглядываетъ въ послѣднюю страницу, чтобы узнать, «хорошій»-ли будетъ, или «плохой», конецъ.

Современный (XVIII-XIX вв.) романъ восходитъ къ очень древнимъ образцамъ, къ исторіи Юсіфа Прекраснаго, къ «Дафнису и Хлоѣ» и ряду другихъ подобныхъ произведеній. Схема общая: рядъ перипетій, неожиданностей, несчастій, испытаній, выпадающихъ на долю какъ разъ самыхъ симпатичныхъ, самыхъ интересныхъ людей; наконецъ, тучи расходятся, герой соединяется съ геронней, жизнь кончается, начинается жизнь, періодъ дѣлающагося до гробовой доски безмятежнаго счастья, обезпеченнаго благополучіемъ, — того, о чемъ мечтали герой и героння и чего для нихъ желали читатели. Мало сказать желали: ждали и требовали, считая, что это-то и есть житейская правда, что такой исходъ естественъ, нормаленъ, необходимъ. Такое убѣжденіе раздѣлялъ и самъ герой романа, добивавшійся благополучія вмѣстѣ со счастьемъ, совмѣщавшій въ себѣ черты эпическаго богатыря и Ивана-дурака, Чапкаго и Молчалина, Маркиза Позы и Чичикова. Если исходъ не соответствовалъ ожиданіямъ, то въ этомъ виноваты были обстоятельства, социальные условія, дурныя свойства окружающихъ людей — и тогда самъ собою ставился вопросъ, «что дѣлать». Такъ по крайней мѣрѣ воспринимались читателями произведенія писателей-классиковъ.

У исторіи и у романа корни общіе. Она восходитъ къ тѣмъ-же книгамъ; книгамъ о скитаніяхъ Народа божія на путяхъ въ землю Ханаанскую, о скитаніяхъ сына Анхиза и Венеры, которому было суждено основать «вѣчный Римъ». Евангельское благоустройство въ леченіе вѣковъ понималось множествомъ людей какъ залогъ того, что рано или поздно, послѣ царствованія Антихриста, настанетъ «тысячелѣтняя суббота Господня», когда, согласно Лактантию, воцарится полный миръ между челоуѣками, какъ и между скотами, когда скалы будутъ испускать

медь и рѣки исполнятся млекою. Геніальный идіотъ Фурье только разивалъ темы отпа церкви, когда предсказывалъ, что въ будущемъ природа измѣнитъ свой ликъ, вмѣсто львовъ и китовъ заведутся анти-львы и анти-киты и вода въ океанѣ станетъ прохладительною и вкусною какъ лимонадъ. Отсюда идея с м ы с л а исторіи, состоящаго въ неуклонномъ, внутренно-закономѣрномъ, вопреки всяческимъ катастрофамъ, нагроможденію бѣдствій и золь, прогрессѣ, движеніи впередъ, къ конечному осуществленію идеаловъ челоуѣчества, реализаціи мечты о счастьи всѣхъ и каждого, о невозмутимомъ благоденственномъ и мирномъ житіи, об ѡ с т а н о в к ѣ исторіи, ибо ея движеніе уже будетъ ненужнымъ.

Въ новое время подъ эту концепцію была подведена основа, считавшаяся научною. Неисповѣдимое Провидѣніе замѣнили «иманентные законы»: законы біологій, обезпечивавшіе поступательное движеніе челоуѣчества путемъ «эволюціи»; «железные» законы политической экономіи, все рѣшительно какъ-то «опредѣлявшіе» и подготовлявшіе челоуѣчество къ «скачку изъ царства необходимости въ царство свободы». На почвѣ религій Эриста Геккеля, Спенсера, Маркса объединялись и духовная аристократія и духовный плебсъ. Читатель ждалъ отъ историковъ, чтобы они ему показали, какъ коллективный Иванъ-дуракъ постепенно эволюціонировалъ и — сознание опредѣляется бытіемъ! — соответственно умнѣлъ, освобождаясь отъ религиозныхъ предрасудковъ, отъ «оковъ схоластики» и проч., и тѣмъ становился все болѣе и болѣе достойнымъ того, чтобы уже больше не эволюціонировать, а просто — жить да поживать, да добра наживать. И историки типа Олара и Сеньобоса добросовѣстно удовлетворяли этому требованію. Собственно говоря, вся исторія челоуѣчества представлялась сплошнымъ усиленіемъ исправить какую-то изначальную ошибку, препятствующую осуществить цѣль жизни, какъ ее формулировалъ Хлестаковъ: срывать швѣты удовольствія.

Не случайно какъ разъ теперь, когда идеи витализма, творческой эволюціи, времени, какъ реального фактора жизни, все болѣе проникаютъ въ сознаніе людей, способныхъ думать, исторія вступила въ состояніе кризиса. Не пониженіе, а напротивъ, обостреніе чувства времени обусловило его, и не въ угасаніи способности мыслить исторически состоитъ его сущность. Жизнь течетъ непрерывнымъ потокомъ, порождая все новыя и новыя цѣнности и обнаруживая свои все новыя и новыя внутреннія противорѣчія. Культурный челоуѣкъ, въ отличіе отъ средняго челоуѣка, уже не вѣритъ въ золотой вѣкъ, ни въ тотъ, что «впе-

реди насъ», ни въ тотъ, что «за нами». Историки уже не въ состояннн писать увѣснстыхъ «всеобщихъ исторій» по типу англійскаго семейнаго романа, — съ угадываемымъ, общаннмымъ, благополучнымъ окончаніемъ; ни такихъ, по образцу идиллн и пасторалей, гдѣ изображалось доброе старое время, когда жизнь была, если не добродѣтельнѣе и счастливѣе, то хоть «красннвѣе». Прошла та пора, когда исторія была залогомъ вѣры въ «лучшее, свѣтлое будущее», или тѣмъ прибѣжищемъ, гдѣ искали отдохновенія отъ современной жизни. Культурный человекъ нашихъ дней не вѣрнтъ въ то, что всѣ древніе греки были Аристиданн или Аполлонамн Бельведерскнми, и всѣ гречанкн Аспазіямн или Венерамн Милосскнми; или что всѣ средневѣковые бароны — Амадисамн и Роландамн; ни въ то, что, благодаря енгеннкъ, управляемому хозяйству, народнымъ университетамъ и стернлизацин «неприспособленныхъ», сказка объ Иванѣ-дуракѣ станеть былью. Въ большей или въ меньшей степени, съ полной очевидностью, или въ скрытомъ состояннн, элементы романтической или науковѣрческой пошлости были налицо во всѣхъ почти произведеніяхъ исторіографіи ХІХ в., какъ элементы пошлости житейской въ романахъ даже величайшихъ писателей той же поры. Теперь исторія и художественный романъ отдѣлялись отъ ннхъ. Потому-то они и перестали быть нужны среднему читателю.

Вся европейская культура, всѣ навыки европейскаго мышленія, всѣ схемы, въ которыя европейскій человекъ укладываетъ данныя опыта, связаны съ хрнстіанствомъ, наложнвшнмъ на европейское сознаніе неизгладимый отпечатокъ. Связанъ съ ннмъ и нынѣшнн переломъ въ сознанн. По отношенію къ основной проблемѣ хрнстіанства, къ величайшей тайнѣ, возвѣщенной Евангеліемъ, хрнстіанская мысль вѣчно двоилась. Воплощеніе Бога въ человека-Исуса и пограніе смерти смертію понимались какъ, прежде всего, историческое событіе, совершнвшееся въ опредѣленный моментъ и въ опредѣленномъ мѣстѣ, освѣтнвшее собою всю доселѣ бывшую и всю будущую исторію человечества. Отсюда — историчность европейскаго міросозерцанія. Но они понимались также и какъ мнстерія, вѣчно разыгрывающаяся во внѣ-временномъ, мета-историческомъ планѣ — идея, выраженная въ таинствѣ евхаристіи. Отсюда — стремленіе къ преодолѣнню историческаго жнзнепоннманія, къ тому, чтобы исторіи противопоставнтъ м е т а - и с т о р і ю.

Лактанцію съ его прекраснодушной вѣрою въ прогрессъ, въ «золотой вѣкъ» противопостонтъ величайшій хрнстіанскій мыслнтель, бл. Августннъ. Мысль Августина не не-исторична и не

анти-исторична: она мета-исторична. Съ презрѣніемъ духовнаго аристократа отвергаетъ онъ пошлую мечту о «тысячелѣтней Субботѣ Господней». Исторія обоихъ Градовъ прослѣжена у него затѣмъ, чтобы доказать, что Граду Божію, обществу избранныхъ, суждено пребывать на землѣ вѣчно, подобно бездомному скитальцу, среди Града Земного — и только Господь знаетъ, кто изъ исповѣдующихъ Его своими устами, — граждане перваго Града и кто — только втораго. Обособленію же Града Божія суждено исполниться лишь за предѣлами исторіи, въ потустороннемъ планѣ.

Никогда еще, кажется, достовѣрность духовнаго опыта бл. Августина не ощущалась съ такою степенью убѣдительности, какъ сейчасъ, когда массы, охваченныя различными видами энтузіазма, готоваго въ любой моментъ переродиться въ панику, превращающую людское общество въ стадо, рвутся къ интегральному осуществленію всякаго рода благъ; когда онѣ уже чувствуютъ себя на порогѣ «златога вѣка» и грозятъ истребить всѣхъ, кто только можетъ быть заподозрѣвъ въ попыткѣ стать имъ поперекъ дороги. Никогда шаги Исторіи не раздавались столь гулко, ея движеніе не было столь стремительно, ея ритмъ — столь напряженъ. И никогда еще никто не чувствовалъ себя до такой степени вовлеченнымъ въ ея процессъ. И именно теперь ясно, какъ никогда, что смыслъ ея въ томъ, что никакой собственной цѣли ея процессъ не имѣетъ. Какъ невыразимая пошлость ощущаются нами поэтому недавнія разсужденія историковъ, что Лютеръ, хотя и былъ «средневѣковъй человѣкъ», заколебавшись въ предразсудкахъ, вѣрнулъ въ чорта, но все же, поспорившись съ Палой, расчистилъ путь свободной мысли и тѣмъ содѣйствовалъ прогрессу.

Это, однако, еще не отказъ отъ исторіи. Исторія не пришла въ упадокъ, не выродилась. Напротивъ: она стала строже, презвѣе, глубже, тоньше, свободнѣе, чѣмъ была въ XIX в. Въ подтвержденіе я могу бы привести рядъ именъ, — но они ничего не скажутъ среднему читателю. Кризисъ исторіи въ томъ, что она перестала быть основной, верховной наукой; что для историка, способнаго размыслить, она теперь — только путь, подводящій къ мета-исторіи; какъ физика (въ широкомъ смыслѣ), для способнаго размыслять естественнаго физика, вновь, носящій дозглаго перерыва, стала ступенью, позволяющей къ возрождающейся метафизикѣ.

Какъ именно относится къ исторіи мета-исторія? Надо имѣть въ виду двойственный смыслъ этого термина. Мета-исторія это прежде всего все еще область историческаго видѣнія, гдѣ за-

дача изслѣдователя — выдѣлнть въ смѣнѣ событій, направленій, вкусовъ и навыковъ, постоянно дѣйствующихъ въ своемъ чередованіи духовныя тенденціи, въ болѣе или меньшей степени всегда присущія людямъ, тенденціи, которыхъ борьба сводится къ борьбѣ чувства и разума, начала свободы и начала порядка, тяги къ безконечному и способности переживания вѣчности — всего того, что подводится подъ понятія романтизма (или барокко) и классицизма *). Такъ понимаетъ мета-исторію самъ d'Ors и — до него — рядъ другихъ теоретиковъ культуры. Это пониманіе не исключаетъ другого. Мета-исторія не только область вѣдѣнія, но и особый планъ бытія, въ которомъ живутъ воплощенные въ нхъ сознаніяхъ и тѣмъ для насъ безсмертныя души тѣхъ людей, которыхъ мы, быть можетъ, никогда не видали, которые могутъ быть отдѣлены отъ насъ тысячелѣтніями, но безъ которыхъ мы самихъ себя, разъ соприкоснувшись съ ними, представить уже не смѣемъ; которые, въ этомъ смыслѣ, для насъ реальнѣе иныхъ изъ нашихъ современниковъ и согражданъ, можетъ быть — насъ самихъ. Способствовали-ли или нѣтъ «прогрессу» Лютеръ — это вопросъ, не имѣющій смысла для того, кто преодолѣлъ науковѣдческое пониманіе «прогресса». Лютеръ для насъ близокъ и дорогъ (или чуждъ — это зависитъ отъ степени способности сочувствовать и понимать) самъ по себѣ, какъ конкретная личность съ ея единственныиъ, неповторимымъ духовнымъ опытомъ, какъ вѣвременноя субстанціи. Приурочить каждаго эмпирическаго носителя подобной субстанціи къ определенной точкѣ въ пространствѣ и времени — задача собственно историческая — необходимо для того, чтобы облегчить себѣ другую: усмотрѣть въ немъ, этомъ носителѣ, то, что роднитъ его съ его средою и его эпохою и тѣмъ самымъ выдѣлнть отчуждивше то, что принадлежитъ ему самому, что есть онъ самъ.

П. Бицилли.

*) Въ простѣмъ видѣ этой ритмикѣ исторіи я коснулся въ ст. 178 «Сознана» (Собр. Зап. 56)